

Г. Ф. БОГАЧ

К ИСТОЛКОВАНИЮ СТИХОТВОРЕНИЯ ПУШКИНА
«Мой друг, уже три дня...»

Находясь под домашним арестом, Пушкин в марте 1822 года пишет стихотворение «Мой друг, уже три дня...», в котором выражает сожаление, что уже три дня он не видел друга Ореста (Н. С. Алексеева). В стихотворении поэт излагает также причины своего ареста и говорит, что во время вынужденного уединения он пишет карикатуры на молдавских бояр и их жен:

Мой друг, уже три дня
Сижу я под арестом
И не видался я
Давно с моим Орестом.
Спаситель молдаван,
Бахметьева наместник,
Законов провозвестник,
Смиренный Иоани,
За то, что ясский пан,
Известный нам болван
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою —
И трус и грубиян —
Побит немножко мною,
И что бояр пугнул
Я новою тревогой, —
К моей конурке строгой
Приставил караул.

.

Невинной суеты (?),
А именно — мараю
Небрежные черты,
Пишу карикатуры, —
Знакомых столько лиц, —

Восточные фигуры
< > кукониц
И их мужей рогатых,
Обритых и брадатых!
(II, 1, 247) ¹

В собственноручном наброске стихотворения поэт указал на две причины ареста: во-первых, на то, что он побил «яского пана», и на то, что «пугнул» бояр какою-то новою тревогою. В первоначальных исканиях данного стихотворения поэт отметил еще и то, что, покровительствуя молдаванам и пренебрегая поэтическими достоинствами наказуемого, Инзов был убежден, что поэт является еще и «крестником» Вольтера, то есть вольнодумцем, «зараженным «либеральною чумою»:

...Смиренный Иоанн
Поставя ни во что
Что я Вольтера крестник...
(II, 2, 744)

Согласно имевшим место слухам, об аресте поэта тогда же написал в своем дневнике князь П. И. Долгоруков. 8 марта он писал: «Пушкину объявлен домовый арест за то, что побил одного молдавана, не хотевшего выдти на поединок. Сцена, как сказывают, происходила в доме вице-губернатора (Крупянского Т. М.), который вместе с бригадным командиром Пушиным приглашены были к наместнику для объяснения по сему предмету». На второй день, 9 марта, в сопровождении двух знакомых Долгоруков навестил Пушкина, который «скорыми шагами размеривал свою комнатку» и который, обрадовавшись своим посетителям, «смеялся беспрестанно и спрашивал, надолго ли его засадили. У дверей поставлен часовой. Его однако ж пускают в сад и на двор, и, исключая молдаван, всякий может с ним видеться».

Далее Долгоруков так изложил «зверский» поступок Пушкина: «Историю нашего молодого поэта рассказывают следующим образом. За несколько времени перед сим имел он поединок с шефом 31-го Егерского полка Старовым. Поссорились они за дрянь и оба выстрелили в воздух. Происшествие тогда же разнеслось по городу, и скоро об нем забыли, исключая двух или трех молдаван, у которых оно осталось в памяти. В прошедшее воскресенье на маленькой вечеринке у молдаванки Богдан дочь ее г-жа Балш, вмешавшись в разговоры и суждения насчет удовлетворения, каковое требовать должен брат ее мужа Янко Балш (Янко Балш был на самом деле не родной, а двоюродный брат Тодора Балша. — Г. Б.) за причиненные ему побои, сказала Пушкину, вызвавшемуся

¹ Здесь и далее цитаты из произведений А. С. Пушкина даются по большому Академическому изданию сочинений Пушкина в шестнадцати томах.

отомстить честь обиженного: «Vous vous défendez assez mal vous tême» * и пр. Пушкин, любя страстно женский пол, в особенности, как полагают, г-жу Балш, забыл на ту минуту все, бросился к мужу ее Тодорашке Балш, который играл в карты, и объявил, что ему надобно за жену драться. Сей не знал на что ему решиться. Но когда сама жена стала жаловаться на Пушкина, то и его забрало в свою очередь. Полетели ругательства, молдаван рассвирепел, называл Пушкина Jean f... (ссылным и пр.). Сцена, как рассказывали мне очевидцы, была ужаснейшая. Балш кричал, содомил, старуха Богдан упала в обморок, беременной вице-губернаторше приключилась истерика, гости разбрелись по углам, люди кинулись помогать лекарю, который тотчас явился со спиртами и каплями — оставалось ждать еще ужаснейшей развязки, но генерал Пущин успел все привести в порядок и, схватив Пушкина, увез с собою. Об этом немедленно донесли наместнику, который тотчас велел помирить ссорящихся. Вчера поутру свели их в доме вице-губернатора. Балш начал просить прощения, извиняясь похмельем, но Пушкин, вместо милости и пощады, выхватил заряженный пистолет и, показывая оный, сказал Балшу: «Вот как я хотел с Вами разделаться. Здесь уже не место». При сих словах, положив пистолет, обратно в карман, он ударил его в щеку. Их тотчас разняли, а Пушкин потом приехал к генералу, который мыл ему голову в кабинете и после обеда отправил его с адъютантом под арест. Несмотря на зверский его поступок, многие винят Балша. По общему признанию в молдаванах нет ни доброты, ни честности, ни благородства»².

Долгорукову было также известно, что Балш жаловался Инзову и в письменной форме. Черновик его жалобы найден: называя выходку Пушкина преднамеренным покушением на свою жизнь и испрашивая гарантию своей неприкосновенности (как иностранца, состоящего под покровительством царя), а также требуя применения всей строгости законов против *убийцы* (assassin!), Балш, как и все современники, указал в качестве причины инцидента то же инициальное недоумение между Пушкиным и Марией Балш³.

Все остальные мемуаристы описали инцидент также не как очевидцы, а со слов свидетелей происшествия: П. Барте-нев — со слов В. П. Горчакова⁴, И. П. Липранди, которого

* Вы сами плохо себя защищаете (франц.).

² П. И. Долгоруков. 35-й год моей жизни или два дни ведра на 363 ненастья. Кишинев. 1822. «Звенья», т. IX. М., 1951, стр. 51 и 52.

³ Черновик и комментарии к нему приведены Ефросинией Двойченко (Euphrasine Dvoïcenco. Puskin et les Balsch à Kisinev. Revue des études slaves. 1938, t. XVIII, f. 1—2, p. 74, 75).

⁴ См. П. Барте-нев. Пушкин в южной России. Материалы для его биографии. «Русский Архив», 1866, № 8—9.

тогда не было в Кишиневе, «получил о том в Херсоне известие, а по возвращении узнал и все подробности от обеих сторон»⁵, К. Л. Зеленецкий — со слов Л. С. Пушкина⁶.

Несмотря на это, все сведения мемуаристов в основном все же совпадают: в салоне Крупянского обиженный какой-то репликой Марии, жены Балша, Пушкин потребовал удовлетворения от ее мужа и после отказа последнего отвечать за поступки жены дал ему пощечину; на второй день вместо примирения Пушкин погрозил Балшу заряженным пистолетом. В тот же день Инзов посадил Пушкина под арест на две недели.

Все мемуаристы остановились, однако, только на одной причине ареста — на инциденте во время бала. Ни один из них не упомянул того, что удостоверил сам Пушкин: мнение о нем Инзова как о вольнодумце и какую-то новую панику («тревогу»), которую накануне «истории» и уже не в первый раз он распространял среди бояр. Только на инциденте в салоне остановился в своей жалобе и сам Тодор Балш.

Утверждение поэта о *двух причинах* ареста обязывает нас проследить политическую активность Пушкина накануне инцидента и, во-вторых, выяснить вопрос: не связаны ли между собой обе причины ареста и не скрывается ли за историей с молдавским вельможей нечто гораздо серьезнее обывательского скандала в великосветском обществе? Все эти «ревности» Марии Балш к Альбрехтше, «оскорбленное самолюбие матери», «высокомерие» Балша и т. д. в контексте с вольнодумством поэта и его насмешками над боярами должны быть оценены в крайнем случае как *повод* для расправы с ненавистным Пушкину бояром. В основе же конфликта надо, по-видимому, искать расхождения в мнениях совсем другого характера — расхождения, на которые как раз и намекал сам поэт в стихотворении, перечисляя причины своего ареста.

На вопросе о политической активности Пушкина до его расправы с Балшем останавливаться не следует, так как данные о радикализме взглядов поэта в этот период хорошо известны. Напомним лишь то, что в течение всего 1821 года Пушкин живо следил за действиями гетеристов, желая им удачи в борьбе за освобождение из-под турецкого ига. «Между пятью греками я один говорил как грек» (XII, 302), — записал поэт 2 апреля 1821 года в дневнике, когда неспособность руководителей, классовые интересы участников и вмешательство молдавского боярства стали уже вносить раскол в движение греков. Пушкину, жившему в доме Инзова, были

⁵ И. П. Липранди. Из дневника и воспоминаний. «Русский Архив», 1866, № 8—9, стб. 1421—1423.

⁶ К. Л. Зеленецкий. Сведения о пребывании А. С. Пушкина в Кишиневе и Одессе; М. А. Цявловский. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931, стр. 240.

отомстить честь обиженного: «Vous vous défendez assez mal vous même» * и пр. Пушкин, любя страстно женский пол, в особенности, как полагают, г-жу Балш, забыл на ту минуту все, бросился к мужу ее Тодорашке Балш, который играл в карты, и объявил, что ему надобно за жену драться. Сей не знал на что ему решиться. Но когда сама жена стала жаловаться на Пушкина, то и его забрало в свою очередь. Полетели ругательства, молдаван рассвирепел, называл Пушкина Jean f... (ссылным и пр.). Сцена, как рассказывали мне очевидцы, была ужаснейшая. Балш кричал, содомил, старуха Богдан упала в обморок, беременной вице-губернаторше приключилась истерика, гости разбрелись по углам, люди кинулись помогать лекарю, который тотчас явился со спиртами и каплями — оставалось ждать еще ужаснейшей развязки, но генерал Пущин успел все привести в порядок и, схватив Пушкина, увез с собою. Об этом немедленно донесли наместнику, который тотчас велел помирить ссорящихся. Вчера поутру свели их в доме вице-губернатора. Балш начал просить прощения, извиняясь похмельем, но Пушкин, вместо милости и пощады, выхватил заряженный пистолет и, показывая оный, сказал Балшу: «Вот как я хотел с Вами разделаться. Здесь уже не место». При сих словах, положив пистолет обратно в карман, он ударил его в щеку. Их тотчас разняли, а Пушкин потом приехал к генералу, который мыл ему голову в кабинете и после обеда отправил его с адъютантом под арест. Несмотря на зверский его поступок, многие винят Балша. По общему признанию в молдаванах нет ни доброты, ни честности, ни благородства»².

Долгорукову было также известно, что Балш жаловался Иззову и в письменной форме. Черновик его жалобы найден: называя выходку Пушкина преднамеренным покушением на свою жизнь и испрашивая гарантию своей неприкосновенности (как иностранца, состоящего под покровительством царя), а также требуя применения всей строгости законов против *убийцы* (assassin!), Балш, как и все современники, указал в качестве причины инцидента то же инициальное недоразумение между Пушкиным и Марией Балш³.

Все остальные мемуаристы описали инцидент также не как очевидцы, а со слов свидетелей происшествия: П. Барте-нев — со слов В. П. Горчакова⁴, И. П. Липранди, которого

* Вы сами плохо себя защищаете (франц.).

² П. И. Долгоруков. 35-й год моей жизни или два дни ведра на 363 ненастья. Кишинев. 1822. «Звенья», т. IX. М., 1951, стр. 51 и 52.

³ Черновик и комментарии к нему приведены Ефросинией Двойченко (Euphrasine Dvoïcenco. Puskin et les Balsch à Kisinev. Revue des études slaves. 1938, t. XVIII, f. 1—2, p. 74, 75).

⁴ См. П. Барте-нев. Пушкин в южной России. Материалы для его биографии. «Русский Архив», 1866, № 8—9.

тогда не было в Кишиневе, «получил о том в Херсоне известие, а по возвращении узнал и все подробности от обеих сторон»⁵, К. Л. Зеленецкий — со слов Л. С. Пушкина⁶.

Несмотря на это, все сведения мемуаристов в основном все же совпадают: в салоне Крупянского обиженный какой-то репликой Марии, жены Балша, Пушкин потребовал удовлетворения от ее мужа и после отказа последнего отвечать за поступки жены дал ему пощечину; на второй день вместо примирения Пушкин погрозил Балшу заряженным пистолетом. В тот же день Инзов посадил Пушкина под арест на две недели.

Все мемуаристы остановились, однако, только на одной причине ареста — на инциденте во время бала. Ни один из них не упомянул того, что удостоверил сам Пушкин: мнение о нем Инзова как о вольнодумце и какую-то новую панику («тревогу»), которую накануне «истории» и уже не в первый раз он распространял среди бояр. Только на инциденте в салоне остановился в своей жалобе и сам Тодор Балш.

Утверждение поэта о *двух причинах* ареста обязывает нас проследить политическую активность Пушкина накануне инцидента и, во-вторых, выяснить вопрос: не связаны ли между собой обе причины ареста и не скрывается ли за историей с молдавским вельможей нечто гораздо серьезнее обывательского скандала в великосветском обществе? Все эти «реванши» Марии Балш к Альтбрехтше, «оскорбленное самолюбие матери», «высокомерие» Балша и т. д. в контексте с вольнодумством поэта и его насмешками над боярами должны быть оценены в крайнем случае как *повод* для расправы с ненавистным Пушкину бояром. В основе же конфликта надо, по видимому, искать расхождения в мнениях совсем другого характера — расхождения, на которые как раз и намекал сам поэт в стихотворении, перечисляя причины своего ареста.

На вопросе о политической активности Пушкина до его расправы с Балшем останавливаться не следует, так как данные о радикализме взглядов поэта в этот период хорошо известны. Напомним лишь то, что в течение всего 1821 года Пушкин живо следил за действиями гетеристов, желая им удачи в борьбе за освобождение из-под турецкого ига. «Между пятью греками я один говорил как грек» (XII, 302), — написал поэт 2 апреля 1821 года в дневнике, когда неспособность руководителей, классовые интересы участников и вмешательство молдавского боярства стали уже вносить раскол в движение греков. Пушкину, жившему в доме Инзова, были

⁵ И. П. Липранди. Из дневника и воспоминаний. «Русский Архив», 1866, № 8—9, стб. 1421—1423.

⁶ К. Л. Зеленецкий. Сведения о пребывании А. С. Пушкина в Кишиневе и Одессе; М. А. Цявловский. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931, стр. 240.

хорошо известны предательские маневры молдавского боярства по срыву движения. Об этом же писал и известный историк гетерии, близкий знакомый Пушкина по Кишиневу — Яковаки Ризо. В своем труде об отношении молдавского и валашского боярства к национально-освободительному движению греков Ризо писал: «Один миллион валахов и молдаван смотрели тогда на греков, как на государственных преступников, осужденных православными державами, преследуемых султаном, преданных анафеме патриархом. Мы боялись тогда общего восстания против господаря; мы находились в риске быть арестованными молдаванами и брошенными в тюрьму на жестокую расправу магометанцев»⁷.

О притеснениях, которые чинили молдавские бояре грекам, был хорошо осведомлен и сам Пушкин. В «Заметке о Пенда-Деке», не без удовлетворения по поводу расправы последнего над яскими боярами, он писал: «(Ипсиланти) послал его успокоить волнения в Яссах — там он застал греков, притесняемых боярами; его присутствие духа и твердость спасли их. Он взял вооружения на 1 500 человек, в то время как у него было только 300. В течение двух месяцев он был князем в Молдавии» (XII, 191).

Личность Тодора Балша, которого побил Пушкин, до сих пор по-настоящему не установлена, а поиски нужного нам боярина еще не привели к положительным результатам. В 1938 году Ефросиния Двойченко по рукописным материалам, хранящимся в библиотеке Румынской Академии наук, нашла возможным отметить, что Тодор Балш не имел в то время чин «ворника», которым его наградил Липранди. Ворник Тодор Балш — это другое лицо, от имени крупного молдавского боярства принимавшее участие в срыве движения гетеристов. Он был уже пожилым человеком, и поэтому неправ И. Н. Халиппа, утверждавший в 1900 году, что лицом, имевшим конфликт с Пушкиным, был именно этот молдавский магнат. Впрочем, приведем полностью мнение данного исследователя. Оно говорит о размерах негодования, которое вызвала расправа Пушкина над молдавским бояром, — негодования, не стихшего и 75 лет спустя. «Бартенев, — писал Халиппа, — называет историю Пушкина с Балшем «возмутительной», но он назвал бы ее и худшим эпитетом, если бы знал, что Балш был не «некто» и не «кишиневский помещик молдаванин, тяжелый, в длинных одеждах», а передовой человек своего времени в княжествах; не потому, что он был великим ворником Молдавии, а потому, что по прошествии смут гетерии ему принадлежала инициатива и руководящая роль в деле возбуждения перед Портой ходатайства о назначении в

⁷ J. J. J. J. Rizo Néroulos. Histoire moderne de la Grèce depuis la chute de l'empire d'Orient. Genève, 1828, p. 294.

Молдавию князя из коренных бояр (как было 150 лет перед тем), а не из фанариотов... Ввиду этого приходится заключить, что Инзов вполне прав был, посадив поэта за его юродство под арест на две недели»⁸. Негодует этот же автор и на А. Ф. Вельтмана, писавшего об эпизоде «словно экзерцицию в гладком изложении мыслей» и закончившего свое изложение словами: «...но время скоро излечило рожу на лице Тодора Балша, и он теперь заседает в диване князя Молдавии»⁹.

О деятельности нужного нам Тодора Балша периода пребывания на юге Пушкина нам известно очень мало. Так, из весьма лаконичных сведений одного современника мы знаем, что этот Тодор Балш был очень враждебно настроен к молодым молдавским боярам, которым их политические враги щедро приписывали тогда кличку «карбонариев». В письме крупного бояра Нежеля к митрополиту Вениамину, сбежавшему из Ясс в Бессарабию в 1822 году, дан список «карбонариев», в котором фигурирует имя брата Тодора — Иордакия Балша (от его сына, Алеко Балша, сохранилось письмо к Пушкину). О Тодоре Балше в этом же письме сказано, что он не состоит в списке «возмутителей» и даже является их противником¹⁰.

Известно также, что Тодор Балш, женатый на Марии Богдан, был очень богатым, красивым и одновременно тщеславным ловеласом, кутилой, не имеющим никакого образования¹¹.

Оставляя вопрос о полной идентификации и об определении политического лица Тодора Балша на будущее, мы скажем о некоторых данных этой личности *после* его встречи с Пушкиным. Мемуаристу Липранди, как и Вельтману, было известно, что в дальнейшем Балш стал гетманом (главнокомандующим) молдавских войск. В 1832 году чиновник специальных поручений Ангел Валли составил уже на гетмана Тодора Балша следующую характеристику: «Гетман, начальник милиции, логофэт, Тодор Балш — ничтожный человек, легкомысленный, лишенный какого-либо достоинства, не умеющий ни писать, ни разговаривать на каком бы то ни было языке, без личного мнения, но упорствующий в тех, ко-

⁸ И. Н. Халиппа. Город Кишинев времен жизни в нем Александра Сергеевича Пушкина. «Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии», т. I. Кишинев, 1900, стр. 139 и 140. Мнение этого автора о том, что лицом, имевшим конфликт с Пушкиным, был ворник Тодор Балш, оказалось заимствованным и другими пушкинистами. См. В. Вересаев. Спутники Пушкина, т. I. М., 1937, ст. 287 и 288.

⁹ И. Н. Халиппа. Указ. соч., стр. 140.

¹⁰ См. V. Erbiceanu. Istoria Mitropoliei Moldaviei. Sucevei și a catedralei mitropolitane din Iași. București, 1888, p. 224.

¹¹ См. R. Rosetti. Amintiri, vol. I. București, p. 226, sq. Cfr. Gheorghe Bezviconi și Scarlat Callimachi. Pușchin în exil. București, 1947, p. 155.

торые случай помог ему воспринять, властолюбивый, — он пользовался своей должностью для того, чтобы выпячивать эполеты и позванивать шпорами»¹².

О деятельности Тодора Балша в должности гетмана молдавских войск (милиции) известен и следующий полуанекдотического характера эпизод, подтверждающий его ограниченность и архиреакционность.

Мелкий боярин Иоан Гергел, он же и депутат общего собрания княжеств, вздумал в 1834 году от имени жителей всего Ботошанского цинута приветствовать и заверить в верно-подданности нового молдавского господаря Михаила Стурдзу. В этих целях он предложил священникам и смотрителям подписать от имени всех жителей местности текст его приветственного письма. Ворник (префект) цинута, «боясь не ошибиться», так как письмо распространялось без его ведома, донес об этом начальнику милиции.

Событие не на шутку перепугало гетмана Тодора Балша, и он доложил письменно о нем Государственному Административному Совету (правительству). В письменном докладе он выразил опасение, что инициатива такого рода сможет «приучить народ и на будущее и натолкнуть его к мероприятиям и нахальным актам смелости в любое время и при любых обстоятельствах». Свою тревогу Балш обосновал следующими соображениями: «Не является ли все это подготовкой к приучению этого народа к правам ему неизвестным, к подстрекательствам и другим действиям, которыми беспрепятственно смогут заражаться уезд от уезда? И разве поступок комиса Гергела не может расцениваться как преднамеренное действие по завоеванию доверия народа и для других случаев, для достижения предполагаемых целей, с тем, чтобы по уже имевшемуся примеру легче возбудить народ? И если народ окажется уже приобщенным к подобным действиям, то как сможет правительство пресечь их?».

На внеочередном заседании Административный Совет по докладу Балша оценил инициативу Гергела как действие, направленное против государственной безопасности, как подготовку к восстанию и непослушанию. Решено было Гергела подвергнуть домашнему аресту, а всех других участников «крамолы» доставить в кандалах в Яссы и, сверх того, учредить специальную комиссию для всестороннего расследования дела. Комиссия признала всех участников вовсе не виновными. Однако члены правительства — тот же Административный Совет — на новом заседании не посчитались с заключением комиссии и постановили: лишить Гергела звания депутата, назначить новые выборы в уезде, а всех дру-

¹² Mémoires du prince Nicolas Soutzo, grand logothète de Moldavie (1798—1871), publiés par Panaïoti Rizos. Vienne, 1899, p. 100.

гих участников уволить с работы. В довершение всего господарь Михаил Стурдза санкционировал решение членов правительства¹³.

Гораздо позже, с июля 1856 года по день смерти (1 марта 1857 года), Тодор Балш был каймаканом в Молдавии и в этой должности оказался ставленником Австрии и Турции. Ярый противник объединения Молдавии с Валахией, уже глубоким стариком (ему должно было быть тогда за 70 лет!) он готов был выставить свою кандидатуру на молдавский престол.

Таким был впоследствии Тодор Балш, с которым Пушкин имел, как писали современники, «зверскую» или «возмутительную» историю в Кишиневе в начале марта 1822 года.

Возможно, что неприязнь Пушкина к Балшу основывалась не только на впечатлениях о необразованности или реакционных позициях последнего, а и на ненависти поэта ко всему семейству Балшей, сыгравшему наиболее предательскую роль в срыве национально-освободительного движения гетеристов. Если, однако, такое предположение и не обосновано, то и в таком случае оно все же поможет нам разобраться содержание «тревог», которыми Пушкин пугал тогда «орду» молдавских бояр. Здесь мы вынуждены будем обратиться к деятельности другого Тодора Балша, омонима нашего героя, и на его примере проследить отношение молдавского боярства к наиболее важному в то время событию в этих краях — к национально-освободительной борьбе балканских народов, в частности к движению гетеристов.

Более чем отрицательная роль ворника Тодора Балша, родственника «нашего» Балша, в срыве движения гетеристов, его дикий страх перед второстепенным боярством, перед «карбонариями», посягавшими на монополию крупного боярства в управлении страной и, наконец, его оплошности не могли не вызвать возмущения вольнолюбивого поэта, так живо интересовавшегося событиями в княжествах, направленными на освобождение страны от иностранного гнета и на некоторую демократизацию управления государством.

Инцидент в гостиной Крупянского в Кишиневе в свете приведенных ниже материалов следует расценивать как расправу над ненавистным политическим врагом и провокатором. Именно на такую трактовку инцидента наталкивает и содержание автобиографического стихотворения Пушкина, в котором, как мы уже знаем, объявлены две причины ареста: столкновение с Балшем и какая-то новая «тревога», которой поэт пугал бояр.

¹³ Комментарии и отрывки из текстов по архивным документам см. в статье: Mihaïl Gala n. Părerî oficiale din 1834 despre rolul țaranului în viața politică a țării. «Arhiva», 1935, nr. 1—2, p. 22—28.

В деятельности молдавского крупного боярства по срыву движения гетеристов первую скрипку сыграл как раз ворник Тодор Балш. В самом разгаре движения он дважды пробирался к турецким пашам, выдал там известные ему планы повстанцев и просил наказания последних. Подробные сведения о его деятельности изложены в стихотворной летописи молдавского писателя Александра Белдимана, детально зарегистрировавшего с реакционных позиций события гетерии в Молдавии. Согласно этой летописи, всячески восхвалявшей Балша, последний выступает чуть ли не национальным героем. Не предупредил бы этот Балш Силистрийского пашу в непричастности молдаван к гетеристам, мстительные турки стерли бы Молдавию с лица земли — пытается заверить своих читателей Белдиман.

«Тревога», которой Пушкин мог тогда, в начале марта 1822 года, напугать молдавских вельмож, может оказаться идентичной или очень близкой к обычным в то время *опасениям* этих бояр. Так чего же больше всего боялись бояре, в частности крупные бояре?

Обратимся к документам того времени.

Штефан Вогориди, наместник господаря в Яссах, через делегатов, в составе которых был и сам Балш и которые везли в Силистру петицию бояр-беженцев и, одновременно, петицию среднего боярства, передал паше письмо очень интересного содержания. Из него мы узнаем то, чего как раз и боялось тогда крупное молдавское боярство, бежавшее из Молдавии и находившееся в Бессарабии и в Буковине.

Вот перевод текста этого письма: «В числе крупных молдавских бояр, которые все еще находятся в Австрии и в России и которые с тоской посматривают в сторону их родины и вздыхают, но не возвращаются, а только придумывают всевозможные мотивы, имеется один, которого зовут Тодором Балшем. Явившись в Яссы с челобитной от имени всех к Салих-паше и ко мне со всевозможными записками, согласно которым ему дано полномочие отвечать на любой вопрос от имени всех их, и его милость этот бояр, предполагая, что я ожидаю назначения на господарский престол, опечалился и не захотел открыть передо мною всю сущность их петиции и причину его приезда сюда. Заметив его обиду, я подозвал его и сказал, что я не желаю ни господарства, ни наместничества, и никакого другого возвышения, а что я хочу только выполнить приказание султана с чистой совестью, с тем чтобы смог затем попросить у султана место на его земле, где я смог бы поселиться на отдых со своей семьей! После этих моих слов, поверив им, боярин открыл мне цель своего прибытия и раскрыл, что цель их челобитной к турецкому правительству состоит в назначении одного из местных бояр

на должность господаря или же учреждение хотя бы на несколько лет управления страной боярами, так как страна очень разорена и еще с прежнего времени подвергнута долгам и лишениям, и просят и спрашивают те же обычаи, которые у них были 150 лет тому назад. Вот это они просят, не заботясь и не думая прежде всего о том, чтобы восстановить и привести в порядок спокойствие и благосостояние их страны, чтобы она была как и прежде. Они же, поселившись частью у немцев, частью у русских, где нашли удовлетворение и сходство с их прихотями, просят оттуда и господарский престол и власть для них, не заботясь прежде всего о восстановлении их страны и об исправлении свершенного. И эта их просьба такова, как и их величие, которое засело в их голове. Бей из Миссира не признали своего престола, и за то, что они затапывали хлеб и отрицали властителей, к ним снизошло божье наказание и осуществилось возмездие. Точно так же греки и великие молдавские и валашские бояре, не признающие своих властителей и безмерную милость правительства султана, которым они были недовольны, растоптали хлеб, за что на них снизошел гнев божий и проклятие султана. Тем более, если кто-либо захочет подробно рассмотреть историю Молдавии из старых времен, обнаружит, что она была больше подчинена и пристрастна к врагам, чем к своему хозяину. Потому-то и обоснованно были посланы сюда янычары, которых сам господь бог послал.

Я сообщил этому бояру, что подчиненным не положено так вести себя по отношению к империи и просить помилование, применяя хитрости. Только повиновением и верностью правительству могут удостоиться они надлежащим помилованием. Но он не принял во внимание мои слова и... счел, что он достоин обсуждать любой вопрос и управлять другими, и с этим намерением припадает к ногам твоего высочества. Как соблюдаешь ты, так и поступишь»¹⁴.

23 февраля 1822 года Тодор Балш пишет очень встревоженное письмо из Ясс митрополиту Молдавии Вениамину, находившемуся тогда в Бессарабии. В этом письме он опасается покушения на свою жизнь из-за какого-то якобы перехваченного секретного письма, отосланного им прежде митрополиту. В этом же письме он выражает намерение поехать в Бессарабию¹⁵. 27 февраля 1822 года Балш шлет новое патетическое письмо, в котором снова жалуется на Вогориди, собирающего отобрать имена у всех бежавших бояр, и советует боярам, сбежавшим в Бессарабию, обратиться с петицией к султану. В этом же письме он грозит своим единомышленникам, что ес-

¹⁴ Michail Kogălniceanu. Cronicele României sau Letopiseșele Moldaviei și Valahiei, t. 3. București, 1874, p. 434, 435.

¹⁵ См. В. Е р б и ч а н у. Указ. соч., стр. 210.

ли они его не послушаются и не обратятся к султану с челобитной против Вогориди и против второстепенного боярства, уже тогда захватившего власть, то он... перейдет на сторону этого второстепенного боярства!¹⁶ В конце этого письма Балш заявил о том, что в самое короткое время он выедет из Ясс.

Боярская олигархия, перепуганная действиями второстепенного боярства и медлительностью турецкого правительства, возлагает на русского царя большие надежды в деле восстановления в стране ее монополий.

В другом письме того времени — в письме боярина Нежеля к своему брату, митрополиту Вениамину, читаем о безнадежности положения беженцев: «И если суждено будет нам покинуть навсегда нашу несчастную родину, куда в другое место сможем мы прибегнуть, кроме как к православному престолу? Однако после того как мир будет установлен... нас и не послушают и не примут как иностранцев, осчастливленных монаршей милостью, а как провинившихся перед другим правительством и нашей родиной, мы будем приняты как эмигранты, и нам предоставится только убежище, если только не испросят и по разным обстоятельствам не выдадут (как заложников). Тогда и сам монарх и все тамошние и здешние нас совершенно оправданно осудят как наиболее лично заинтересованных и без любви к родине и соотечественникам за то, что мы заботимся и добиваемся только наших личных интересов, не дождавшись полного разрешения судьбы нашей родины? И сколько хулы и проклятий ни услышим мы от наших соотечественников великих и малых, богатых и бедных»¹⁷.

Накануне своего спешного выезда из страны, как мы уже знаем, Балш из Ясс 27 февраля 1822 года написал боярам, находившимся тогда в Бессарабии, очень встревоженное письмо, в котором просит (и, больше того — приказывает им!) незамедлительно обратиться к султану с жалобой на Вогориди. Этот последний, сообщает он возбужденно, поставил перед собой твердую цель — «уничтожение вас, бояр, находящихся за границей, и повсюду кричит, что вы предатели и что у вас отберут имена, как у предателей». И далее: «Почему бездействуете, почему спите? Нет больше терпения, пишите правительству обо всем том, что делает этот каймакан здесь, обрисуйте положение, в которое он привел страну и ваши оправдания в том, что не возвращаетесь на родину только из-за него и его действий, что он ограбил страну, окружил себя множеством греков и немилосердно грабит страну. Затем и то, что он способен предпринять и кое-какое греческое движение, наподобие прошлогоднего». Далее, убеждая бояр непременно и незамедлительно обратиться к султану, — иначе бояре «пропадут!» — Балш продолжает: «Именитые турецкие чиновни-

¹⁶ См. В е р б н ч а н у. Указ. соч., стр. 212.

¹⁷ Т а м ж е, стр. 222.

ки советуют мне написать вам, чтобы вы поступили с верою в бога — истину вам говорю. Подумайте и сами — разве является ошибкой или предательством любое обращение с жалобой к своему господину? У вас ведь такая мощная защита и оправдание, состоящее в том, что вы посылали великих и старых бояр с челобитной в Царьград, оправдавшись в том, что вы не причастны к предприятию проклятых предателей греков и показав им то, чего натерпелись от них страна и бояре... Подумайте также, что вы окажетесь весьма повинны в том, что не пишете и не ставите в известность Порту о его действиях. Но я знаю и со страхом божьим в том клянусь о моих переживаниях у Юсуфы-паши в Силистре, когда я был вашим посланцем, только по обвинению в том, что мы не поставили в известность Порту или пашу о предприятиях и действиях предателя Михали. Так и теперь — вы будете еще более виновными и окончательно погибнете...»¹⁸.

И далее:

«Учтите, что и прежде вас были патриоты, которые рисковали и жизнью и имуществом для родины (и я являюсь таким же святым, еще не попавшим в церковный тропарь). Короче говоря, предлагаю вам: либо поступайте, как я вам пишу, и направьте страшную челобитную не на турецком, а на греческом языке на каймакана и пишите истину о том, что он погубил его действиями страну, грабя ее и доведя ее до нынешнего положения, и что почти все разбежались в Бессарабию и Буковину и что он собрал множество греков из-за границы, из Бессарабии и использует их в службах и интригах в Молдавии, рубит леса и сооружает себе дома и прочее в такое время как настоящее. А если этого не сделаете, предупреждаю вас, что я присоединюсь к вашим преследователям... Позже бог откроет вам глаза и вы узнаете Тодора Балша, каким верным патриотом он является... Есть у меня и другие известия, обоснованные и заверенные, которые я вам изложу с полными гарантиями, когда прибуду в Герцу. Больше терпения нет, и я решил податься, в понедельник выезжаю»¹⁹.

Опасения находившегося в Бессарабии крупного молдавского боярства заключаются в следующем: после 23 февраля 1822 года было перехвачено какое-то письмо, направленное Балшем боярам. О разоблачении содержащихся в нем интриг и боялось боярство. Это и естественно, так как именно в то время ходили слухи о том, что Россия объявит войну Турции. А бояре, жившие на территории России, интригуют и пытаются установить связь с Портой — старым и ненавистным врагом русских! Вогориди, опиравшийся в управлении страной на второстепенное боярство, требовал возвращения бежавших магнатов и их участия в налаживании порядка в стране бок о

¹⁸ В. Ербичану. Указ. соч., стр. 211.

¹⁹ Там же, стр. 212.

бок со второстепенным боярством. Магнаты на это не соглашались, добиваясь по-прежнему исключительной монополии в свою пользу.

Вогориди обвинял магнатов в том, что, сбежав из страны и опираясь на правительства Австрии и России, вельможи все же добиваются власти и установления старых порядков, существовавших в то время, когда власть принадлежала исключительно им. Вогориди обвинял бежавших бояр и в предательстве, в защите личных интересов: они не возвращаются на родину и не помогают в наведении порядка лишь потому, что власть уже поделена между представителями всего боярства. У них будут конфискованы земли и все имущество. После установления мира, все еще находясь за границей, они окажутся на положении политических эмигрантов, провинившихся перед своим правительством, и, предоставляя им только убежище, иностранные правительства всегда смогут их выдать как заложников. Крупным боярам остается одно: обратиться из Бессарабии, минуя Вогориди, к султану для оправдания и для получения прежних привилегий в управлении страной.

Одной из этих «тревог» и мог Пушкин в течение 1821 года и в начале 1822-го пугать молдавское крупное боярство, находившееся тогда в Бессарабии.

В свете приведенных фактов о политическом облике Тодора Балша, с которым Пушкин имел в Кишиневе известную историю, и о деятельности и политических интригах его родственника, ворника Тодора Балша, представителя крупного молдавского боярства, инцидент в салоне Крупянского в Кишиневе получает совсем другую окраску. «Зверский» или «возмутительный» поступок поэта следует расценивать как расправу над политическим противником, а первоначальное недоразумение с женой вельможи Марией Балш как весьма удобный повод для исполненного полного благородства наказания. К этому выводу нас подводит не только архиреакционная деятельность Балшей, но и свидетельство самого поэта о двух причинах его ареста — расправа над бояром и запугивание «орды» бояр «тревогами», содержание которых нам уже известно.

АБОНАМЕНТЪ № 7.

НА ОДЕССКОМЪ ТЕАТРЪ

Въ Пятницу Апрель 14 числа 1822 года. Итальянскомъ театромъ, для 1 дебюта, представо сурioзнаго оперниша Господина Фюрини, представляемы будуть въ первой разб:

А ДЕЛАЗІЯ И А ЛЕРАМО,

Героическая ОПЕРА въ двухъ дѣйствіяхъ, съ новыми Гардеробомъ и съ новою во 2 дѣйствіи декорациею. Рѣчи сочинены Господиномъ Ривиналли Музыка сочиненіи Господина Маера.

Venerdì 14 Aprile

Per il Debuto del primo Tenor Serie S^g. Francesco Fiorini

ADELASIA E ALERAMO,

OPERA SERIA con Cori

Musica del celebre Mayr — Poesia del Sig. L. Romanelli

PERSONAGGI

Ottone Imperatore	Sig. Francesco Fiorini.
Teofania, Imperatrice	Sra. Clementina Lamaci.
Adelasia sua figlia	Sra. Adelina Catalani.
Aleramo sposo di Adelasia	Sra. Marietta Arrighi.
Polibaldo, Conte di Ottone	Sig. Guglielmim.
Roberto, fratello di Aleramo, e Primo Duca di Omaso	Sig. Quadri.
Osmano, Esercito, Seraseni	Sig. Siskiani.
Due fratelli figli di Adelasia e Aleramo	
Due di Omaso	
Soldati di Ottom	
Contadini	
Popoli.	

Il Vestigio tutto intero, e nuovo decorazione al secondo atto.

Цѣна мѣстъ:

Ложа въ тѣмъ ярусѣ	15 руб.
---- во свѣтѣ ярусѣ	12 —
Ложа партерная на 5 персонѣ	10 —
---- въ свѣтѣ ярусѣ	8 —
Номерованныя кресла	2 руб. 40 коп.
Мѣста запертыя въ галереѣ	1 — 60.
Партеръ	1 руб. 40.
Парadisъ	60.

Начало въ 7 часовъ.

Билеты получать можно въ театральномъ домѣ.

По приказаніи Начальства ни кто не выйдетъ прага изъ не принадлежащихъ къ театру ходить за кулисы, или къ репетиціи, исключая только Абонентомъ, который могутъ находиться на главныхъ репетиціяхъ.

Театральная афиша Одесского театра 1822 года

ПУШКИНСКИЕ НАУЧНЫЕ КОМИССИИ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МФ АН СССР И ОДЕССКОГО ДОМА
УЧЕНЫХ

ПУШКИН
НА ЮГЕ

Труды
Пушкинской конференции
Одессы и
Кишинева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА»
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
КИШИНЕВ * 1961